Когда неправда правду бьёт

Доярка Валя Тизикова — наша давнишняя знакомая. Конверты с характерным круглым почерком то и дело приносила редакционная почта. Какой-нибудь нытик разочаровался в жизни — Валя первая шлёт взволнованный, полный оптимизма ответ. Разные были её письма, но одно в них не менялось: жизнерадостность, любовь к труду, к окружающим людям. О хорошем — прямо, о плохом, неудачах — так же искренне, называя фамилии...

И вдруг как снег на голову. (Неужели это она, её голос?) Отчаянные слова: «Хочу уехать... Сил больше нет. Пятый год работаю дояркой и работу люблю, а всё равно не могу. Одна осталась я. Встречала на ферме девчат, сама же их и провожала... А забей тревогу — врагов наживёшь».

И вот мы идём с ней от деревни к деревне. Ноги вязнут в снежной каше.

Ферма, где работает Валя (деревня Большая Брембола), всего лишь год назад была комсомольско-молодёжной. Дружно жили девушки, дружно работали. Вместе книги читали, вместе с концертами в другие бригады ездили. Тогда и летели к нам один за другим Валины конверты: «Знали бы вы, как заметочки мне мои достаются. Сколько слёз над ними пролила...»

Одну из них напечатали в районной газете. В то время молодёжь готовилась к большому празднику. Каждый день радостные новости, только в колхозе словно и не слышали ничего о предстоящем празднике. Молодые скучали и бездействовали. Говорили об этом на всех собраниях — впустую. Приехала комиссия из района разбираться. Валя оказалась права. Критику «признали справедливой». Но после этого и в правлении девушек с фермы холодно встречали, а Вале за спиной дали нелепое, неумное прозвище.

Доярки своего добивались, прямо в глаза дяде Саше Жижину, заведующему фермой, говорили о всех недостатках. Их было немало: то подстилки нет, то надои молока учитываются нерегулярно. А тот, как правило, кричал, дескать, «нонче все уж больно грамотные».

Год прошёл или полтора. Потом новость на ферме: Тоня Окунева чемодан припасла. Говорила, к мужу едет. Только глаза почему-то всё время в землю смотрели... Уехала, разве удержишь. Уехали вслед за ней и остальные доярки. Все, кроме Вали. Разбрелись по свету кто куда. Работают стрелочницами, буфетчицами, уборщицами. Письма матерям шлют из Караганды, из Магадана... Пришли на ферму пожилые женщины. Дядя Саша Жижин доволен: не такие зубастые. Цыкнешь — и молчок.

В нашей газете была опубликована Валина заметка. Небольшая, а била крепко. Зимовка тяжёлая, кормов мало, а решение комсомольского собрания по заготовке веточного корма пока на бумаге... Опять на собрании обсуждали заметку. На другой день дядя Саша по-прежнему ругался, а приготовленная давным-давно древесная мука до сих пор киснет в запарнике.

Когда-то славилась на весь район и Фалелеевская комсомольская ферма. Доярки год тому назад взяли обязательство добиться звания коллектива коммунистического труда. Ферма была главным украшением всех сводок в райкоме комсомола. Одним словом, гремела. Сейчас она одна из отстающих в колхозе и вовсе не молодёжная. «Остались в живых» Маня Борисова, Галя Сергеева, Зина Павлова... Причём все эти девушки, кроме Маруси, из животноводства перешли в полеводческую бригаду. Уехать думают. В чём причина?

Зина Павлова подпёрла щёку рукой. Говорит, неторопливо подбирая слова, словно стараясь удержать подольше хорошие воспоминания. Когда-то работа на ферме для неё была желанной. Мать долгие годы работала там, сестра, потом и она. «Теперь на скотный — ни за что!» Работали, не жалея сил. То и дело гости из района. А у себя в колхозе — слова тёплого не услышишь. Правление обещало за выполнение обязательств купить приёмник для фермы, подобрать подменную доярку, чтобы можно было учиться по вечерам, — только пообещали. Особенно «настырной» была одна из девушек — Маша Борисова. И крепко поплатилась.

**Спасская, Т.* Когда неправда правду бьёт / Т. Спасская // *Юность*. — 1961. — 28 февраля. — С. 2—3.

Требовала по справедливости, а осталась однажды без кормов, без воды, без подстилки для скота.

...Сумеете всегда держать высоко голову, говорить, что думаешь, если справедливое слово вызывает недобрую усмешку, если изо дня в день «обрубается длинный язык», если в награду за правду горькая пилюля — «смирись или катись»?..

Пилюли глотала не только Валя. Они травили не только её. Злые семена уже глубоко пустили корни.

Мужество воспитывается и в мелочах. Слава Морозов это знал давно, ещё из книг. В его жизни пробил такой час — и Слава спасовал. Случилось всё неожиданно и гораздо проще, чем он думал. Он работал на машине, перемалывающей древесный корм. Приехали возчики на лошадях, чтобы отвезти древесную муку на Брембольскую ферму. Нагрузились и уехали... Слава, как всегда, идя домой, заглянул к дояркам. Дежурила тогда Валя Тизикова.

— Муки, надеюсь, вам на несколько дней хватит?

Валя удивлённо подняла брови:

— Её и не привозили.

Слава, ничего не понимая, машинально пошёл за свинарник в поле. Там на снегу он и увидел кучу опилок... Слава — комсомолец, член колхозного комитета ВЛКСМ, и до сих пор молчал.

У дяди Саши Жижина получился перерасход молока, предназначенного для телят. Чтобы «сбалансировать» — он как-то сразу в день «срезал» чуть не тридцать литров. «Резал» неоднократно, а телята-малыши недоедают. Об этом рассказала телятница Маруся Курочкина звенящим от негодования голосом. А дядя Саша невозмутимо открыл пухлый засаленный журнал: «Тут у меня всё в аккурате, по-научному. А этой я задам!»

Антонина Уварова, секретарь колхозной комсомольской организации (кстати, с её лёгкой руки, видимо, прилипло к Вале Тизиковой неумное прозвище), не краснея, показывает отчёты заседаний комсомольского комитета, решения комсомольских собраний. В документах у неё, как и у дяди Саши, — тоже всё «в ажуре». Но комсомольские рейды по фермам — фикция, комсомольское шефство над животноводством — тоже, мнимые субботники по заготовке веточного корма. Ну, это мимоходом: цифры, отчёты... Мы говорим сегодня о другом. Почему «рассосались» две комсомольские фермы? Кричать «ура» при виде рекордных цифр, давать сводки в райком куда легче. А вот почувствовать, предупредить момент душевного перелома, когда хорошие, добросовестные девчонки задумали собрать чемоданы и бросить родной колхоз — это ли не прямой долг вожаков колхозной комсомольской организации! Но о таких вещах надо говорить не только на комсомольском собрании. И правление должно узнать мнение комитета. Тут и загвоздка. Лучше помолчать. Проще и спокойнее.

Зоотехник Левина редко бывает на фермах, а там много неполадок — лучше помолчать. Один хороший человек попал в беду. С ним поступили несправедливо и жестоко. Промолчали. Но об этом — ниже.

Не только молодые полеводы и животноводы уезжают в чужие края. За год-два в колхозе «Борьба» сменилось несколько «неугодных» правлению агрономов и зоотехников.

Агроном Валя Орлова приехала в колхоз в 1959 году после окончания института. Проработала несколько месяцев и тяжело заболела. Требовалось длительное лечение. Несколько месяцев лежала в больнице, затем — в санатории. Поправилась и прямым ходом в правление. Ей там преподнесли сюрприз — взяли другую на её место. Иди, мол, на все четыре. А бюллетень оплатили всего за один месяц.

Валю заменила Лида Николаева, тоже выпускница института, и её вскоре уволили как «не справившуюся с работой». Девушка сейчас заведует отделением совхоза «Новоселье». Много хорошего о ней рассказывают люди:

Так же нечестно, как и с Валей, правление рассчиталось и с Соней Орловой, бывшим зоотехником колхоза. Да и каждый, кому «посчастливилось» работать в колхозе «Борьба», унёс в сердце незабываемую обиду. Грубость, невнимательность, штыки против справедливой критики со стороны лично председателя колхоза Примерова и непонятный нейтралитет тех, кто призван защищать права молодёжи.

...Когда мы спрашивали о причинах ухода молодёжи у руководителей колхоза, секретаря комсомольской организации, то удивлялись их рассуждениям: «рыба ищет, где глубже...» Не лучше ли называть вещи своими именами? Неправда в колхозе «Борьба» пока торжествует.

Т. Спасская. (Наш корреспондент.)
Переславский район.